

А. С. КОЗЛОВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ВИЗАНТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в.

На последней стадии развития рабовладельческой формации особое значение приобрели не только межклассовые столкновения, но и борьба внутри господствующего класса¹. Следует учитывать и то, что в кризисной обстановке IV—VII вв. любое антиправительственное выступление, как-либо связанное с движением народных масс, угрожало рабовладельческим порядкам². Продолжая анализ характера политической оппозиции правительству ранней Византии³, мы постараемся в настоящей статье выделить основные направления этой оппозиции в первой половине V в. Достичь этой цели можно при условии решения трех задач: определения конкретных оппозиционных групп и их влияния на политическую борьбу; рассмотрения взаимоотношений этих групп и народных масс; выявления основных форм борьбы оппозиции с правительством.

Правомерность подобной постановки вопроса вытекает также из историографического состояния проблемы. В самом деле, капитальные труды, отразившие указанную тематику, появились уже в конце XIX—начале XX вв. О. Зеек, А. Гюльденпеннинг, Ю. Кулаковский, Э. Штейн, Д. Бьюри, Л.-М. Гартман собрали большой фактический материал, позволяющий дать специальную оценку антиправительственным выступлениям знати в ранней Византии⁴. Но в этих общих работах борьба внутри знати представлена зависящей в основном от политической конъюнктуры, «партийных лидеров», субъективных устремлений императорского двора. Суть религиозно-политических споров сведена этими историками к конфессиональным мотивам, хотя, например, Э. Штейн и Д. Бьюри связали оппозицию светской знати с оппозицией «церковной». Заметим, что так рассматривались религиозные противоречия IV—VI вв. и в специальных исследованиях, например М. Пайскером и И. Геффеном⁵. Народным движениям в указанных трудах места практически не уделялось. Однако в них были намечены реальные группы оппозиции, например указывались варвары как самостоятельная внутривизантийская сила, выделялись времен-

ные оппозиционные «партии» Аврелиана, Диоскора и т. д. В целом борьба внутри знати, по О. Зееку, Л.-М. Гартману и Д. Бьюри, дезорганизовывала имперскую государственность и способствовала торжеству негативных начал, а недовольство отдельных групп знати являлось лишь оппозицией тому или иному двору.

В русском дореволюционном византиноведении (например, в работах А. А. Васильева, Ф. И. Успенского, С. П. Шестакова)⁶ лишь констатировались основные антиправительственные выступления V в. Ученые не выясняли их особенности и связи с народными движениями, хотя и сделали ряд тонких наблюдений на материале конкретных конфронтаций между правительством и знатью.

Впервые серьезно изучил организацию городских низов Византии V в. и их отношения с властями (развивая тезисы Ф. И. Успенского) Г. Манойлович. Он признал самостоятельность народных масс в нажиме на правительство и указал на возрастание их активности с начала V в.⁷ Попутно отметим, что конец IV в. как этап в политической борьбе в империи определил А. Пиганьоль⁸.

В 50-е и 60-е гг. в буржуазной историографии появились труды, посвященные конкретным аспектам и периодам борьбы в господствующем классе Византии первой половины V в. Э. Демужо собрала огромный материал о борьбе среди знати империи рубежа IV—V вв. («партии» Аврелиана, Иоанна Златоуста и т. д.), но не затронула социального аспекта этой борьбы. Оппозиционные выступления, по Э. Демужо, были временны, народные движения — негативны⁹. Богатый фактический материал, собранный в трудах, пытающихся связать конфессиональную борьбу V в. с социальной борьбой, в большей или меньшей степени попадал под теологическую концепцию, объясняющую борьбу вокруг епископатов религиозными мотивами¹⁰. Многочисленные экскурсы в историю конфронтаций разных групп знати Византии V в., скованные подобной концепцией, могли и могут быть ценны только своими эмпирическими наблюдениями, но не обобщениями. С другой стороны, если эти экскурсы только отчасти обращались к анализу организаций городского населения и его борьбы с правительством, то ряд серьезных исследований Ж. Жарри был посвящен именно такой теме. Емкий анализ трудов Ж. Жарри и аналогичных по тематике исследований других ученых, проделанный З. В. Удалыцовой¹¹, избавляет нас от их характеристики. Укажем лишь, что Ж. Жарри убедительно аргументировал отсутствие «партийного» тождества между монофизитскими течениями и оппозиционными фракциями V в., хотя и не заострил внимания на воздействии оппозиции на городские народные массы¹². Почти не уделил внимания социальным движениям V в. Р. Ремондон¹³. Однако он подчеркнул, что оппозиционность местной

знати (особенно в Сирии и Египте) во многом определялась не только религиозными, но и экономическими мотивами. Как разнородные определял причины оппозиции тех или иных групп населения империи V в. и английский антиковед А. Джонс¹⁴. Порой называя столкновения мягкой знати с правительством «революцией»¹⁵, А. Джонс практически не рассмотрел связей оппозиции с народными движениями, а политическую борьбу конца IV — начала VI в. периодизировал по «династическому» принципу.

Х.-Г. Бек, изучая организацию столичной знати V в., показал возрастание значения сената к середине столетия¹⁶; это, по его мнению, повлияло на перестановку сил в оппозиции. Решающую роль в антиправительственных выступлениях V в. отвели знати также Г. Дауни и В. Либешютц¹⁷.

Традиция объяснять религиозно-политическими мотивами наличие тех или иных идеологических нюансов в оппозиции V в. сохранилась в буржуазной историографии до сих пор¹⁸. Мало того, в последнее время наблюдаются попытки ряда буржуазных ученых перейти в наступление на некоторые принципиальные марксистские оценки классовой и политической борьбы в Византии IV—VII вв. Такие попытки, например, сделаны А. Кэмироном, постаравшимся свести борьбу «цирковых партий» к спортивным разногласиям. Подобные обстоятельства делают необходимым дальнейшее изучение социальных и политических конфронтаций в ранней Византии.

Среди советских историков, изучавших оппозицию при рабовладении и феодализме с позиций марксистско-ленинского учения, одним из первых показал важность, изучения оппозиции византийской знати IV—V вв. и ее связей с движениями народных масс М. В. Левченко. Еще в 30-е гг. он указал на сепаратистские тенденции феодализирующейся знати византийского Египта, обусловленные социально-экономическими факторами¹⁹. Классовая борьба в провинции корректировала поведение знати. Эти тезисы получили развитие в последующих статьях историка и его монографии²⁰. В частности, М. В. Левченко указал на возможность конфронтаций, определявшихся социальными противоречиями, между правительством, армией, сенаторами и димами.

Социальное содержание и организацию городских движений V—VII вв., оформляемых «цирковыми партиями», осветил А. П. Дьяконов, показавший противоречия в руководстве «фракций» (экономические — между «старой аристократией» и «богатой не-аристократией», политические — между сенаторами и бюрократией и т. д.) и неизбежность апелляции оппозиционной знати к народным массам²¹. Религиозные вопросы, по А. П. Дьяконову, не имели для руководства «партий» самостоятельного значения. Труд А. П. Дьяконова вызвал полемику. М. В. Левченко и Н. В. Пигулевская определяли борьбу горо-

жан в рамках «цирковых партий» как прогрессивную. М. Я. Сюзюмов выдвинул тезис о защите горожанами IV—VI вв. поздне рабовладельческих порядков и предположил, что курiales, «чиновная аристократия», «военное сословие» и оппозиционные «отцы церкви» при своих конфронтациях боролись за массы уже с IV в. С V в. соперничающие группировки, по М. Я. Сюзюмову, стремились не столько опереться на городские массы, сколько разъединить их²².

Дискуссия советских историков (середина 50-х гг.) о падении рабовладельческого строя в Европе показала слабую разработанность проблемы социально-политической борьбы IV—VI вв.²³ Первым важность изучения конкретных оппозиционных выступлений ранневизантийской знати (на примерах восстания Прокопия и антиохийского восстания 387 г.) показал Г. Л. Курбатов²⁴. Оппозиция части византийского клира, средних и мелких собственников исследована в статье Г. Л. Курбатова о взглядах Иоанна Златоуста, где убедительно показано, как классовая ограниченность Иоанна помешала мобилизации народных масс для успешного нажима на правительство²⁵.

Социально-политические взгляды «языческой оппозиции» IV—V вв., опиравшейся преимущественно на аристократические круги византийского общества и некоторых византийских интеллектуалов²⁶, изучила З. В. Удальцова. Исследовательница доказала обусловленность взглядов языческих оппозиционеров социальным положением уходящих в прошлое групп знати, связанных с античными традициями. Выводы З. В. Удальцовой и М. Я. Сюзюмова лежат в основе периодизации социально-политической борьбы IV—VI вв., принятой в коллективном труде «История Византии»²⁷. Данную периодизацию в целом подтверждают выводы Г. Л. Курбатова, сделанные им при выявлении этапов развития городских движений в ранней Византии²⁸. В своих статьях мы придерживаемся этой периодизации.

Таким образом, нашей исторической наукой были изучены лишь отдельные стороны оппозиции V в.: социально-экономическое положение некоторых групп знати, их развитие, общие причины конфронтаций с правительством, характер отношений отдельных оппозиционных групп с народными массами и идейное вооружение части недовольной знати.

* * *

Мы считаем, что характер и развитие оппозиции правительству в ближайшие годы после событий 400 г.²⁹ определяли следующие основные факторы: 1) известное упорядочение экономической жизни вследствие относительной стабилизации городского хозяйства и торговых коммуникаций³⁰; 2) изменения в соотношении социально-политических сил: возрастание значения городских корпораций, обусловленное успехом выступ-

лений против правительств Руфина, Евтропия и Кесария и антиварварским движением 399—401 гг.; ослабление позиций крупной землевладельческой знати, слабо связанной с муниципальной экономикой; снижение роли провинциальной торговлоростовщической верхушки, базирующейся на экономике средних и мелких центров; усиление столичной аристократии, стремившейся продолжать централизацию, удовлетворить в известной мере интересы части местной городской верхушки и лимитировать движение масс; 3) постепенная стабилизация на границах: удаление вестготов Алариха на Запад в 401 г.; подавление движения гуннов под руководством Ульдиса; сохранение мира с персами.

Правительство Аврелиана, находившееся у власти до конца 404 г., должно было учитывать помощь, которую ему объективно оказали городские корпорации в 400 г. Мы не имеем от того времени законов о каких-либо суровых мерах в отношении язычников и еретиков. Серия репрессивных постановлений вышла лишь в конце 404 и в 405 г. в связи с волнениями, развернувшимися вокруг личности Иоанна Златоуста. Но поскольку по данному вопросу уже существует ряд солидных исследований, наша задача сводится к обобщению некоторых важных для темы моментов и акцентированию фактов, обусловливавших развитие оппозиции.

1. Если Златоуст выражал интересы «средних провинциальных собственников», чьи настроения в эпоху разложения рабовладельческого общества частично совпадали с настроениями мелких собственников, то критика, которую епископ Константинополя давал общественным порядкам, могла найти отклик не только у народных масс³¹, но и у его сторонников в верхушке клира и даже в светских кругах.

2. Выступления Златоуста против коррупции и роскоши двора и против императрицы Евдоксии объективно делали его оппозиционером правительству Аврелиана, находившему у нее поддержку³². Как известно, на Иоанна, *comes sacrarum largitionum* с. 401 г., сторонника Аврелиана, разделявшего с ним ссылку, Златоуст направил гнев взбунтовавшихся солдат³³. В 403 г. Иоанн был в «партии» Евдоксии, действовавшей против Златоуста (*Pallad., Dial., 3; Zosim., V, 23. 2 sq.*). Очевидно, Аврелиан был префектом, отправившим Златоуста в ссылку в июне 404 г.³⁴ В самом деле, Златоуст не просто не смог найти «прочную опору в столице государства крупных собственников»³⁵, а оказался критиком столичной аристократии и проводимой ею централизации. В этот период даже заверения типа: «Не за них ли (богатых.— А. К.) скорее я все говорю и делаю, тогда как они изошрили мечи свои сами на себя?» (*Ioh. Chrys., Hom.—PG, t. 52, col. 413*),— не могли, очевидно, заслонить от властей другие его тезисы: «Нет ничего сильнее церкви» и «Не воюй с церковью!» (*Ibid., col. 429, 441*). Намерение Злато-

уста продолжать критику порядков двора, поставить церковь над светской властью в нравственно-религиозной сфере вызвало жестокий отпор.

3. Позиция правительства в отношении Иоанна была объективно поддержана частью монахов (Созомен, с. 581—582), недовольных тем, что епископ порицал их пребывание в городах (Созомен, с. 565—566). Этим путем Златоуст старался удалить из городов часть социально опасных элементов.

4. Выступление против Златоуста александрийского патриарха Феофила, поддержанного частью недовольного Иоанном клира и окружением Евдоксии, было, скорее всего, осуществлено не только в интересах верхушки египетского духовенства, но и некоторых городских кругов Малой Азии и Сирии, чьих епископов Иоанн сместил. Возможно, позиция Феофила устраивала и египетских торговцев и навклиров. Известно, что по прибытии Феофила в Константинополь для процесса над Иоанном его встретили александрийские моряки с хлебных судов, устроившие аккламацию (Сократ, с. 484; Созомен, с. 580). Впоследствии, после изгнания Златоуста, в столице произошли уличные сражения между александрийцами и «народом Константинополя» (Сократ, с. 488; Созомен, с. 19).

Оппозиционность Иоанна Златоуста была существенно лимитирована не только нажимом двора, но и классовой ограниченностью защищаемых им групп. Епископ отдался в руки императорской стражи, когда заметил опасность перерастания движения в его защиту в социальный протест (Сократ, с. 485; Созомен, с. 18). Попытка Златоуста более энергично апеллировать к массам после возвращения из первой ссылки была вызвана резким сокращением его сторонников в среде правящих групп и средних собственников³⁶. Большинство приверженцев Златоуста из рядов господствующего класса было серьезно напугано волнениями в столице, начавшимися после суда над епископом³⁷. Еще большее недовольство вызвала попытка приверженцев Златоуста сжечь город после вторичной ссылки епископа (Созомен, с. 589; Zosim., V, 24. 3—4). Несмотря на то, что число последовательных сторонников Златоуста должно было резко сократиться, их, видимо, нельзя назвать «сравнительно небольшой кучкой приверженцев», как это делает вслед за В. В. Болотовым Г. Л. Курбатов³⁸. Сократ писал, что с преданными Иоанну людьми было много епископов, пресвитеров и прочих клириков (Сократ, с. 491). По Созомену, к приверженцам Иоанна в это время принадлежали многие «из народа» под началом «епископов и других...» (Созомен, с. 589—590), организовавших даже добровольную охрану своего главы. На защиту сосланного поднялись люди, «бывшие на площадях» (Созомен, с. 592). Среди иоаннитов были состоятельные и знатные лица, так как известно, что солдаты, разгоняя их собрания, заключали знатных лиц под стражу, а у молящихся женщин

отнимали ожерелья, золотые пояса, шейные цепи, браслеты (Созомен, с. 593—594; ср.: Niceph., XIII, 28). Серьезность оппозиции подтверждает и размах репрессий после пожара в столице. Правительство выделило чиновников и воинские подразделения, удалявшие из Константинополя близких к Златоусту епископов и клириков и арестовывавшие прочих его приверженцев (Созомен, с. 592—593). Посланные войска разгонялись толпами иоаннитов, пускавших в ход камни и палки (Созомен, с. 593; Niceph., XIII, 28). Репрессии возглавил язычник префект города, «многих» предавший казни (Созомен, с. 595) и потому заслуживший мрачную славу у церковных историков (Сократ, с. 492). Всем лицам, находившимся на государственной или частной службе, запрещалось участие в «бунтарских собраниях» под угрозой лишения службы и конфискации (Cod. Theod., XVI. 4.4). Хозяева рабов, участвовавших в «бунтарских собраниях», штрафовались 3 фунтами золота, а городские корпорации — 50 фунтами (Cod. Theod., XVI, 4. 5). Ректоры провинций были обязаны запрещать религиозные сборища лиц, которые «расходятся в вероисповедании» с епископами Арсакием, Феофилом и Порфирием (Cod. Theod., XVI, 4.6). Провинциальных клириков предписывалось лишь вывезти из Константинополя, дабы не было «призывов к бунту» (Cod. Theod., XVI, 2.37). Пример Златоуста показал, какие опасные последствия для правящей группы может возыметь социальная демagogия определенных кругов господствующего класса, стремившихся использовать народные массы для своих целей. Политика уступок зашла для правительства слишком далеко. Идеологическое подавление вновь стало активно совмещаться с военным.

Оппозиция во главе с Иоанном Златоустом включала разнообразные социальные слои — от представителей провинциальной и части столичной знати³⁹ до экстремистов в лице монахов и люмпен-пролетариата. Прочность такой оппозиции зависела от неустойчивой стабилизации городской жизни. В социальном плане оппозиция обнаружила значительное «полевение» в сравнении с 399—400 гг. Активность горожан нарастала. Однако репрессивные меры правительства Аврелиана показали, что столичная аристократия не намерена осуществлять демократизацию общественной жизни. Аккламации городских слоев как активная форма протеста встретили жестокий отпор. Оппозиция стала искать иные формы борьбы.

* * *

Напряженное внутреннее положение империи было осложнено в 403 г. активизацией горцев Исаврии. Важной причиной этого явился нажим правительства на свободные исаврийские общины⁴⁰. Видимо, столичная знать пыталась компенсировать уступки городским корпорациям и местной муниципальной

верхушке наступлением на свободное крестьянство Малой Азии, не связанное с городской экономикой. С другой стороны, выступление исавров, несомненно, было не только формой оборонительного движения, но и военно-грабительским походом, типичным для общества стадии военной демократии⁴¹. Исавры «причинили государству огромный ущерб» (Магс. Comes, p. 68.9), разоря «селения и все попадающее на пути» (Zosim., V, 25.1). По Созомену, они «злодействовали в городах и селениях» (Созомен, с. 599), а по Малале, взяли Селевкию в Сирии (Malal., p. 363.15—16). Иоанн Златоуст сообщает об истреблении и порабощении исаврами горожан и сельских жителей (Ioh Chrys., Ep. 114, 118, 122, 127). В плен попало много жителей Ликаонии, Писидии и Каппадокии, причем с пленными исавры «обращались гораздо хуже, чем прочие варвары» (Филост., с. 414). Захват пленных и добычи свидетельствовал о стремлении исаврийской знати укрепить свое положение в качестве рабовладельцев. Развитие социальной дифференциации в общинах исавров определило в перспективе возможность сближения (а затем и слияния) их военно-племенной верхушки с византийской знатью. Однако отсталость социально-экономического развития исаврийского общества и традиционно враждебное отношение к нему обуславливали довольно устойчивую корпоративность исавров, их институирование в качестве особой общественно-политической силы. На данном этапе можно говорить о существовании оппозиции правительству исаврийской военно-клановой знати.

Движение исавров было зверски подавлено в 407 г. Однако карательные меры полководца Иерака коснулись, видимо, не только их: по Евнапию, Памфилия оказалась фактически ограбленной византийским военачальником (Еупар., p. 268. 8—11).

Во время «исаврийской войны» в правительстве Византии произошли изменения: Аврелиана сменил Анфимий, заслуженный сановник, связанный родством с высшей имперской знатью. Префектура Анфимия длилась с 10 июля 405 г. по 19 апреля 414 г. Анфимию дают одинаково положительные характеристики Аполлинарий Сидоний (Sid. Apoll., Carm., II, 94), Сократ (Сократ, с. 505) и Иоанн Златоуст (Ioh. Chrys., Ep. 147). Сократ даже ставит в похвалу Анфимию дружбу с софистом Троилом (язычником!), ставшим советником правителя (Сократ, с. 505). Полностью солидарен с Сократом и Синезий (Synes., Ep. 47, 73, 75, 79, 118). Выдвижение Анфимия свидетельствовало о продолжении централизации, усилении верхушки столичной и провинциальной служилой знати. Получили новое подтверждение меры по пресечению бегства из курий и насильственному возвращению куриалов к их повинностям. Куриалам запрещалось прибегать к заступничеству у императора (Cod. Theod. XII, 1.167). Указ от 18 мая 409 г.

подтвердил все прежние постановления по удалению бывших куриалов с государственной службы для несения обременительных литургий (Cod. Theod., XII, 1, 168). Попытки упорядочить сбор податей с горожан были паллиативом, а намерения воспрепятствовать «облегчению богатого и разорению бедного» (Cod. Theod., XII, 1.173) являлись явной демагогией. Определенной уступкой антиохийским магистратам была лишь попытка зафиксировать размер подати в пределах 600 солидов (Cod. Theod., XII, 1.169). Это было вызвано, скорее всего, недовольством горожан Антиохии, поскольку законодатели отметили, что сей указ направлен для утешения населения в его скорби (tristitia).

Правда, в 412 г. вышло предписание собирать горожан и осведомляться у них о качестве сборщиков податей — уступка, на которую правительство пошло в обстановке активности масс⁴². Определенной уступкой было и издание в апреле 415 г. указа о кассации с населения префектуры Востока (за исключением некоторых рудников) недоимок, накопившихся за 40 лет (Cod. Theod., XI, 28.9). Но в целом политика Анфимия, очевидно, благоприятствовала лишь зажиточной верхушке курий крупных городов, которая сблизилась со служилой знатью. Публиковались и законы против еретиков (Cod. Theod., XVI, 5.49; 6.7), что было серьезным отступлением от политики Аврелиана.

Таким образом, имелись все основания для наличия оппозиции «средних» собственников. Одним из наиболее ярких примеров недовольства было волнение константинопольцев в конце 408 г. из-за недостатка хлеба⁴³: с марта по ноябрь из Египта не пришло ни одного хлебного судна⁴⁴. Гнев «народа» обрушился на префекта столицы. По «Пасхальной хронике», на встречу народу с призывом разойтись вышли оба магистра армии и комит священных щедрот (Chron. Pasch., p. 571.8—11). Из краткого сообщения источника не ясно, была ли применена сила. Напуганное правительство предприняло меры по бесперебойному снабжению столицы.

Ко времени Анфимия относится энергичная деятельность правительства по укреплению северных границ и самого Константинополя (Cod. Theod., VII, 17.1; XI, 17.4; Сократ, с. 505). Эти работы, необходимые в экономическом и политическом плане, несомненно, потребовали значительных затрат, что не могло не лечь бременем на податное население. Некоторые послабления куриям, сделанные в связи с этим, были паллиативом. Оппозиция вполне могла использовать усиление податей для критики властей.

По-видимому, оппозиция существовала и в среде родовитой знати. Император Аркадий накануне своей смерти, опасаясь, что аристократия лишит трона его сына Феодосия II, попросил быть опекуном последнего персидского царя Ездгерда I. По Проко-

пию, царь, согласившись на просьбу Аркадия, пригрозил сенату войной в случае обиды Феодосию (Procop., В. Р., 1, 2). Феофан, Кедрин и Никифор Каллист подтверждают готовность Ездгерда покарать злоумышленников (Theoph., p. 125.5 sq.; Cedr., p. 586. 15—17; Niceph., XIV, 1). Зонара пишет, что Ездгерд убедил византийских «правителей» повиноваться юному императору, пригрозив отомстить за отрока, «если бы они поступили не так» (Zonar., p. 236.21—24). Видимо, для угроз были основания. Для контроля за византийскими вельможами из Персии был послан видный царедворец Антиох, впоследствии вытесненный как *persona non grata* (Ср.: Isid Pelus., Ep. 1, 36.—PG, v. 78, col. 204). В стремлении Ездгерда применить любые средства для защиты опекаемого не было ничего предосудительного, по крайней мере, с юридической стороны, ибо римское право предусматривало подобные меры опекуна. Подавление оппозиции было бы освящено законом. Не удивительно, что «никто не восстал против них (т. е. Феодосия II и Пульхерии, его сестры.—А. К.) в страхе перед Ездигердом...» (Zonar., p. 236.14—15).

Однако если критика правительства Анфимия со стороны части господствующего класса и существовала, то была слаба и не нашла непосредственного отражения в источниках. Повышение роли корпораций в общественной жизни, политика Константинополя в интересах городской верхушки, восстановление спокойствия на границах — все это существенно лимитировало социальное недовольство. Правительственные меры, приветствуемые аристократией крупных городов (например, Синезием)⁴⁵, консервировали существующие имущественные отношения⁴⁶.

Поэтому оппозиция объективно должна была выступать против принципов такой политики или (что более вероятно) против методов осуществления подобной консервации.

К середине 10-х гг. V в. очевидность относительной устойчивости внутри- и внешнеполитической обстановки позволила правительству столичной знати перейти к более последовательной централизации. В июле 414 г. власть перешла к группировке Пульхерии, старшей сестры Феодосия II. Пост префекта претория вновь получил Аврелиан, но сила его была уже не та, как прежде, ибо политика правительства по многим каналам затронула интересы «средних» городских собственников. В обстановке усиления влияния двора усиливались оппозиционные настроения.

Самая резкая критика правительства Пульхерии — у Евнапия. Основным злом того времени Евнапий считает продажу управления провинциалам, сопровождавшуюся попранием законов (Еупар., р. 268.23). По Евнапию, указы вымерли вместе с законами, законы разносились легче праха (Еупар., р. 269. 4—7). Продажа должностей носила насильственный характер

в отношении «зажиточных и подлежащих повинностям людей» (Еупар., р. 269.20—21). «Все дома пустели от такой уловки. Легко можно было видеть, как достаток начальников описывается в казну» (Еупар., р. 270. 11—13). Правительственный произвол в сфере продажи должностей не только вызывал недовольство крупных собственников, но и бил по некоторым представителям военно-чиновной знати: показателен пример Иерака, ограбленного Эреннианом (Еупар., р. 270.15—19). Произвол царил и в судах: истцы с трудом ускользали от несправедливых префектов (Еупар., р. 269.18—29). Ригоризм Евнапия в отношении правительства Пульхерии определялся теми же факторами, как и в отношении Феодосия и Евтропия. Интересно другое. Евнапий умер около 420 г. Следовательно, его критика была не просто злободневной: она велась в адрес правящих *современников*, невзирая на возможные санкции. Это говорит о серьезных трениях правительства и той части городской знати, которая ориентировалась на полисные порядки прошлого.

Иоанн Антиохийский сообщает, что Феодосий II из-за малолетства только ставил подписи для «первых встречных» (tois boulomenois), а в особенности — для евнухов, «находящихся близ царской власти». В результате «живущие (hoi zontos) передавали своих жен другим и насильно лишались детей, не способные возражать постановлениям императора» (Ioann. Ant., fr. 191). Из-за евнухов дела государства пришли в расстройство; даже когда император достиг 50 лет, «они склоняли его к какому-либо низменным занятиям и охотам, чтобы они и Хрисафий держали власть императора» (Idem., fr. 194). Мы предполагаем, что Иоанн заимствовал эти фрагменты у представителей «языческой оппозиции»⁴⁷ или у лиц, разделявших подобные оценки. В самом деле, известно, что в 414 г. из административного аппарата было удалено много «неблагонадежных» провинциальных чиновников, а в 418 г. запрещены городские патронии⁴⁸. Некоторые меры, направленные на поддержку курий, не могли компенсировать финансовые притеснения городов. Отсюда рост оппозиционности части провинциальной городской знати.

В правление Пульхерии серьезных преследований еретиков со стороны центральной власти, видимо, не было (Сократ, с. 505)⁴⁹. Зато на местах некоторые епископы в союзе с наместниками оказывали давление на еретические секты⁵⁰. Не было серьезных гонений и на «языческую службу» (Ср.: Cod. Theod., XVI, 10.21). Так как в данном законе идет речь о лицах, способных стать администраторами или судьями, то он, очевидно, направлялся против образованных язычников-горожан, по меньшей мере, среднего достатка. Вышло также два постановления против иудеев⁵¹. Подобные санкции, однако, не имели такого ригоризма, как при Феодосии I. Тем не менее само их издание (в отличие от правления Аврелиана и Анфимия) пред-

полагает постепенное возвращение властей к наступательной политике на оппозиционные элементы.

Противоречивая политика правительства в отношении городов (и в частности, городской знати) имела в основе сложные социально-экономические и политические факторы. Слой куриалов среднего достатка сделался ничтожным; выросло число обедневших куриалов: верхушка сословия стремилась переселиться в крупные центры и слиться с крупной служилой землевладельческой знатью⁵². Стремление сохранить позднеантичный полис толкало правительство на разного рода «вливания» в инфраструктуру крупного города. В то же время на борьбу группировок и формирование оппозиции существенно влияло усиление крупных землевладельцев⁵³. Одновременно в некоторых местах происходило дробление крупной собственности (Сирия, Палестина)⁵⁴. Однако укрепление мелкого производства сопровождалось усилением налогового прессы и нажимом на массы городской рабовладельческой знати.

Противоречивое отношение правительства к провинциальной городской верхушке отражало борьбу в среде правящих групп. В 421 г. Феодосий II женился на Евдокии, связанной со знатью крупных городских центров⁵⁵. Вокруг Евдокии сгруппировались представители этой знати⁵⁶. Косвенным образом это была реакция оппозиционной части муниципальной верхушки на жесткую централизацию, проводимую столичной служилой знатью. «Партия» Евдокии последовательно защищала поздне-рабовладельческие порядки и в этом отношении была преемницей оппозиции реакционной куриальной знати конца IV в.⁵⁷

Борьба в господствующем классе осложнялась конфронтациями «провинциалов». Несторий, епископ Константинополя с 428 г., объективно выступал в защиту сирийской торговой знати и связанных с ней столичных вельмож⁵⁸. Египетские крупные собственники в лице александрийской церкви (старинные конкуренты сирийцев) были в оппозиции. Отношения египетской и столичной знати стали напряженнее, чем в конце IV — начале V в.

Попытаемся осветить в общих чертах содержание оппозиции египетской знати в этот период.

1. Опора Кирилла, александрийского епископа и идейного главы оппозиции, была сложной по социальному составу (Евагрий, с. 13 сл.). В борьбе за епископскую кафедру Кирилл встретил конкурента в Тимофее, поддержанном военачальником Абунданцием. Выборы происходили в обстановке народного волнения (Сократ, с. 513; Niceph., XIV, 14). Возможно, оно было инспирировано сторонниками Кирилла. Кирилл победил. Одним из сторонников Кирилла был учитель Гиеракс, организовавший аккламации при его проповедях. Египетские иудеи публично обвиняли Гиеракса в намерении возбудить народ (Сократ, с. 522; Niceph., XIV, 14). Разгром иудейских синагог

Кирилл провел с помощью «многочисленной толпы», дав ей разграбить имущество иудеев (Сократ, с. 522; Niseph, XIV. 14). Одной из прочных опор Кирилла, с помощью которой он терроризировал врагов, были монашеские объединения и низшие слои клира. Монахи использовались против византийской администрации и для террора язычников. Убийство монахами Ипатии повлекло известные репрессии со стороны Константинополя, но Кирилл вскоре свел их на нет⁵⁹. Некоторые действия Кирилла, однако, вызывали недовольство части александрийской знати, заинтересованной в союзе со столицей, например его откровенный нажим на августала Ореста. По побуждению «народа Александрии» Кирилл пошел на перемирие с Орестом (Сократ, с. 523; Niseph, XIV, 15).

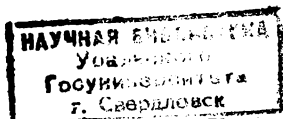
Таким образом, в борьбе за политическую независимость от столичной администрации крупные землевладельцы Египта, используя церковь и социальную демагогию, прибегали к силе народных масс и полицейски организованного монашества. Однако часть александрийцев (возможно, верхушка торговоремесленных корпораций) опасалась радикализации оппозиции (случай с Орестом).

2. Борясь с Несторием, Кирилл вел большую организационную работу по сколачиванию «блока» сил, враждебных епископу Константинополя. Он вел переписку с папой Целестином, Пульхерией⁶⁰, Евдокией, обращался к константинопольскому клиру и народу (см., напр. Mansi, v. 4, p. 680—802, 1000, 1012—1077; 1036—1048). Эта работа в значительной части увенчалась успехом.

3. «Умеренные» еретические секты македонян и новациан, а также ариане и «четырнадцатидневники» были недовольны преследованиями Нестория. В основном эти группировки сосредоточивались в малоазийских городах (Сократ, с. 553, 555). Гонения вызывали волнения в городах. Возможно, это в какой-то мере было отражением борьбы малоазийской и сирийской знати⁶¹.

4. Часть монашества была недовольна стремлением Нестория удалить монахов из городов и запереть их в монастырях. Несторий пытался таким путем пресечь разжигание в городах социальных волнений. Характерно, что во время Эфесского собора Кирилл нашел поддержку в столичном монашестве⁶².

5. Длительная поддержка Нестория Феодосием II, видимо, вызывалась отчасти боязнью центральной власти пойти на соглашение с теми оппозиционерами, которые апеллировали к низам и накалили обстановку на Эфесском соборе так, что возникла опасность волнений. Чтобы сбить этот накал, комиту священных щедрот было отдано распоряжение временно арестовать Кирилла, Мемнона и Нестория (Mansi, v. 5, p. 779—781). Однако темп наступления был замедлен подкупам, произведенными сторонниками Кирилла среди столичной знати (Ман-

si, v. 4, p. 1592). Хотя египетским креатурам не удалось пробраться непосредственно к константинопольской кафедре, преемником смещенного Нестория стал римлянин Максимиан, сторонник папы Целестина. Это было значительной уступкой «партии» Кирилла⁶³.

6. Эфесский собор не разрешил противоречий между александрийским и антиохийским епископатом, так как суть спора состояла не в догматах, а в социально-политическом соперничестве. Нажим правительства на соперников и заключение унии 432 г. лишь относительно сбавили напряженность. В столице после низложения Нестория «по церквам проходил какой-то страшный спор, ибо народ был разделен надвое» (Сократ, с. 562; Niceph., XIV, 36).

Таким образом, нажим александрийских крупных собственников на правительство лишь частично увенчался успехом. Столичная знать была обеспокоена не только захватом египетскими иерархами политического влияния в ряде провинциальных центров⁶⁴, но и потенциальной возможностью возбуждения народных масс египетскими креатурами. В результате победы в Эфесе александрийская знать закрепила связи с финансовыми кругами столицы в ущерб сирийцам. Противовесом александрийскому влиянию были следующие явления.

1. Сосредоточение большей власти в руках части столичной и провинциальной знати, связанной с муниципальными центрами. Теперь огромное влияние в этой «партии» приобрел Кир, префект претория и префект города, язычник, «философ», «муж самый мудрый во всем» (Malal., p. 361.14—16). Префектура Кира приходится на 439—441 гг. Судя по положительным отзывам о Кире Иоанна Малалы, мы предполагаем, что политика группировки Кира — Евдокии находила благоприятный отклик у известной части горожан провинций. В то же время Кир ориентировался на константинопольских ктиторов⁶⁵. Его мероприятия импонировали столичным жителям⁶⁶.

Группировка Кира — Евдокии сознательно ориентировалась на сирийскую городскую верхушку, чтобы заручиться ее поддержкой. В 438 г. Евдокия предприняла поездку в Иерусалим для поклонения святым местам. По пути она побывала в Антиохии, возможно, и являвшейся главной целью вояжа. Выступив перед антиохийцами, Евдокия подчеркнула, что она общего с ними происхождения, после чего они удостоили ее статуей (Евагрий, с. 44—45). По просьбе жены Феодосий II прибавил Антиохии дополнительную хору, увеличив длину стен (Евагрий, с. 45). У Малалы сохранился более подробный рассказ о строительстве, проведенном в Антиохии по инициативе правительства (Malal., p. 360.7—23; Евагрий, с. 42—43). Эти меры не только укрепили экономический и политический потенциал цитадели соперников Египта, но и упрочили контакт сирийской городской верхушки и части столичной знати, имевшей выгоду в торговле

с Передней Азией. Другой целью Евдокии было, видимо, установление контакта с палестинским монашеством (Евагрий, с. 46, 51), которое можно было использовать против александрийских креатур.

2. Если епископ Максимиан был безликой фигурой, но известным символом победы «партии» Кирилла, то уже последующие кандидатуры на столичную кафедру были менее зависимы от александрийцев. Например, Прокл кизикский был спешно хиротирован епископами, оказавшимися в это время в столице, по *приказу* Феодосия II, опасавшегося вспышки волнений (Сократ, с. 572). Прокл был учеником и продолжателем политики Аттика, послушного исполнителя воли правительства. Стараясь не накалять социальную атмосферу, Прокл также старался не оказывать излишнего нажима на еретиков (Сократ, с. 573). По инициативе Прокла в столицу были торжественно доставлены и погребены останки Иоанна Златоуста, что привлекло в православие многих приверженцев Иоанна (Евагрий, с. 576). Этот акт был направлен на укрепление связей с сирийской знатью и клиром, чьи интересы объективно защищал Златоуст.

3. По-видимому, не желая лишаться поддержки части столичных ктиторов, ориентирующихся на союз с «сирийцами», Феодосий II не решался круто расправиться с Киром, завоевавшим большую популярность у константинопольцев (Malal., p. 361.22 sq.). Кир был послан епископом в Коттиэй (Фригия Salutaris), где использовал свое влияние для прекращения волнений среди горожан (hoi politai) (Malal., p. 362.6—18). Вместе с Киром фактически сошла со сцены и Евдокия.

Кратковременность пребывания у власти Кира и Евдокии свидетельствовала о слабости группы господствующего класса, пытавшихся опереться на отжившую экономику полисов, в сравнении со столичной служилой знатью. Соответственно, меры правительства в отношении оппозиции «александрийцев» были нерадикальны: оппозиция местной муниципальной верхушки казалась опаснее. Кир и Евдокия боялись апеллировать к городским низам и монашеству, ненавидимым языческой интеллигенцией. «Партия» Пульхерии продолжала выступать за проведение автократичной централизации и эксплуатации провинций⁶⁷. Но экономический потенциал константинопольских ктиторов-землевладельцев ослабляли возобновившиеся на Балканах грабежи варваров (гуннов Аттилы). В этом отношении торгово-ростовщические круги, ориентировавшиеся на Египет, получили преимущества.

Приход к власти правительства Хрисафия (начало 40-х гг.) сопровождался важными уступками александрийской знати⁶⁸. Тем не менее считать его просто креатурой александрийцев нельзя хотя бы уже потому, что он не продержался бы долго, если бы не учитывал интересов столичной аристократии. Искус-

по раздувая вражду между группировками при дворе, Хрисафий одновременно делал уступки сенаторской знати⁶⁹, причем, по-видимому, именно сенаторам высших разрядов⁷⁰, тесно связывавших себя с Константинополем.

Объективно к защите столичной землевладельческой знати сводилась политика Хрисафия в отношении гуннов. В первой половине 40-х гг. гунны восстановили конфедерацию племен, несколько раз вторгавшуюся в империю. Правительство повысило налоги для организации отпора варварам и выплаты дани, чем воспользовалась оппозиция, играя на недовольстве населения⁷¹. Сдерживание гуннов предохраняло от разорения владения столичной знати.

С другой стороны, при Хрисафии были сделаны уступки военно-племенной знати местного происхождения, в частности исаврам, нанятым для борьбы с гуннами (Prisc., fr. 8, 12, 13). Это не помешало исаврийскому предводителю Тарасокодиссе позже выступить против Хрисафия.

В то же время в империи возникают тенденции к регенерации военно-варварской оппозиции, правда, в несколько измененном по сравнению с концом IV в. варианте. Господствующий класс не мог пренебречь возможностью использовать варваров в своих целях⁷². Военачальник Аспар, начавший возвышаться в это время, смело полагался «на готскую силу» (Excerpta, p. 160. 26), «имел множество готов и многочисленных комесов, и прочих юношей, и держащихся их людей, которых он называл федератами и на которых отводятся федератские анноны» (Excerpta, p. 161. 1—4; ср.: Chron. Pasch., p. 596—597). Позже именно готская дружина во главе с Острисом явилась мстить за гибель Аспаридов (Excerpta, p. 161. 4—10; Chron. Pasch., p. 597). Из сообщения Малалы видно, что готские контингенты — только часть подчиненных Аспару дружин. Однако усиление Аспаридов настораживало известные слои господствующего класса, настроенные к варварам совершенно непримиримо⁷³, хотя решительное столкновение с Аспаридами было впереди.

Так или иначе серьезного сопротивления политике правительства Хрисафия в первой половине 40-х гг. V в., видимо, не было. Борьба с гуннами церковной верхушки Египта и Сирии, поддержанная столичной знатью, некоторое время сдерживала оппозицию. Всплывший после Эфеса вопрос об осуждении Феодора Мопсуэстийского, чье учение было близко положениям Нестория⁷⁴, не получил серьезного развития. И Кирилл, и Прокл, и Иоанн Антиохийский, опасаясь крайностей, пришли к компромиссу и решили не «оскорблять анафемой» памяти Феодора. Против экстремистских элементов (монахов, осуждавших труды Феодора) были приняты меры⁷⁵.

В середине 40-х гг. положение изменилось. Важным фактором в политической борьбе стали активизировавшиеся «цирковые партии»⁷⁶. Борьба между александрийской и константино-

польской знатю, в которую были втянуты большие массы населения, сопровождалась ростом активности горожан. Как было показано, оппозиция египетских крупных собственников по мере возможности использовала в своих целях движение народных масс и даже стимулировала его. Для 40-х гг. то же самое можно сказать об отдельных группах столичной знати. Хрисафий, ориентирующийся на союз с александрийской знатю, был патроном и простатом прасинов (Malal., p. 363. 7—8). Феодосий II явно оказывал прасинам протекцию (Malal., p. 351. 5). Поскольку «зеленые» (вернее, их верхушка) в известной степени отражали интересы торгово-промышленных кругов⁷⁷, заинтересованных в ограничении централизации государства и в сохранении некоторой автономности местного управления⁷⁸, они должны были поддерживать «проегипетские» группировки столичной знати. Однако к середине V в. подобного рода четкой кристаллизации социальных и политических сил не произошло. Данных об активной борьбе прасинов с «сирийской оппозицией» и автократичной столичной аристократией для того времени нет. Нельзя забывать и о том, что Хрисафий во многом шел навстречу константинопольской знати.

Борьба оппозиционных сил за преобладание в политической жизни империи опять развернулась под ширмой догматических споров. Столичная знать перешла в наступление, выдвинув архиепископом Константинополя Флавиана, представителя столичного клира (446). Кандидатура Флавиана, видимо, не устраивала Хрисафия. В резкую оппозицию к Флавиану (а через него и к столичной верхушке) встал Диоскор, преемник Кирилла. Позиция Диоскора сразу показала, что он принадлежит к тем экстремистски настроенным последователям Кирилла, которых последний с трудом сдерживал⁷⁹. Причины возобладания экстремизма в «александрийской оппозиции»⁸⁰, видимо, крылись в общем усилении провинциальной знати, не связанной с полисной экономикой. Это движение пока не переходило в антиправительственные восстания или бунты локального характера по следующим причинам: а) успех известных общественных групп на Эфесском соборе, создавший иллюзию, что в борьбе за догматы возможны социальные достижения; б) политика фракционного руководства (как правило, принадлежавшего к крупным или средним собственникам), направленная на содержание недовольства масс в рамках борьбы за догматы; в) общая атмосфера нагнетания религиозного фанатизма, стимулируемого правящими группами.

Ригоризм Диоскора и его сторонников, несомненно, был ответом и на наступательную политику Константинополя. Диоскор демонстративно не ответил на синодальную грамоту Флавиана, фактически не признавая его самостоятельным епископом. В 448 г. произошло прямое столкновение: в «деле Евтихия» Диоскор встал на путь Кирилла, поддержав опреде-

ленные монашеские группы столицы и Малой Азии. Содержание этой конфликтной ситуации вкратце представляется следующим.

1. Столичный архимандрит Евтихий, обладавший большим весом среди монахов Константинополя, крестный отец Хрисафия (*Liberat. Brev.*, II, 12), сторонник Кирилла и враг Нестория, явился объектом реакции правительства на нажим оппозиции. Епископ Евсевий из Дорилеи (Фригия) отражавший, видимо, традиционно «антиегипетские» настроения некоторых групп малоазийской знати, во время поместного собора в столице (448) обвинил Евтихия в ереси. По-видимому, выступление Евсевия не устраивало Флавиана своей категоричностью: архиепископ Константинополя старался убедить дорилейца взять обвинение назад и смягчить нажим на Евтихия. В этом проявился страх столичной знати перед возможной вспышкой городских волнений.

2. Опасения Флавиана были не напрасны. Евтихия на заседание собора провожала масса монахов, солдат и *praefectiani*, потребовавших от собора обещания отпустить архимандрита вне зависимости от решения «дела» (*Mansi*, v. VI, p. 732).

3. Правительство Хрисафия, видимо, пыталось оказать на собор давление. На соборе был представитель императора, заявлявший, впрочем, выжидательную позицию.

4. Нажим на Евтихия привел к его осуждению как монофизита. Ряд «восточных» епископов, в частности Феодорит из Кирр, был удовлетворен. Это явилось ударом по группировке Хрисафия и «александрийцев». Чувствуя ущемление своих позиций, они предприняли лобовую атаку. В августе 449 г. в Эфесе состоялся собор, получивший затем название «разбойничьего».

Укажем на те моменты его деятельности, которые характеризуют наиболее важные черты развития оппозиции.

1. Группировка Хрисафия и ее египетские союзники подготовили базу для разгрома Флавиана и его сирийских и малоазийских сторонников. От имени императора на собор явились нотариусы Евлогий и комит Елпидий, оказавшие на собравшихся откровенный нажим. Правительство выделило «для охраны» собора солдат (*Theoph.*, p. 154. 13—14); из Сирии отряды монахов привел приверженец Диоскора архимандрит Варсума (*Mansi*, v. VI, p. 593); Диоскор же прибыл в окружении параволанов, прославленных убийством Импатии (*Ibid.*, p. 827). Еще раньше Диоскор получил от правительства место председателя на соборе (*Ibid.*, p. 588—589). Против противников Диоскора и Хрисафия на соборе развернулся террор. Феофан пишет: «... и после насилия солдат и мечей епископы принуждены были подписаться» (*Theoph.*, p. 152. 17—18)⁸¹. Если и можно согласиться с В. В. Болотовым, что более поздние известия византийских историков о соборе содержат сгущенные краски⁸², то несомненен

тот факт, что победа была одержана Диоскором только с помощью воинских частей Хрисафия и фанатичных монахов.

2. Разгром «сирийской» оппозиционной верхушки был серьезным. Флавиана и Евсевия осудили. Были низложены многие их сторонники и просто сочувствующие (среди них Домн антиохийский, Феодорит из Кирр, Ива эдесский, Ириней тирский и др.). Правительство подтверждало решения собора и приказывало в будущем не набирать епископами приверженцев Нестория или Флавиана (Mansi, v. VII, p. 498). Сочинения несториан и сочувствующих им богословов (например, Феодорита) подлежали сожжению (Ibid., p. 497 sq.). Архиепископом столицы стал Анатолий, близкий к александрийской церковной верхушке. Энергичная переписка папы Льва с византийским двором дала слабые результаты. Феодосий оказал противодействие попыткам реабилитировать Флавиана и его adeptов (Ibid., v. VI, p. 68—72). Это было политическим ударом по крупноземлевладельческой провинциальной знати *одного* региона, но создавало опасность аналогичного наступления на знать других регионов.

Победа «александрийской партии» и Хрисафия в Эфесе была, однако, пирровой. Апелляция экстремистов к монахам, городским низам, использование против епископов вооруженной силы вызвало реакцию. В середине V в. большая часть военной чиновной знати и верхушки клира превратилась в силу, опирающуюся на солидный экономический базис в виде местного землевладения⁸³. Борьбу с представителями этой знати методами «разбойничьего» собора было авантюрой. Источники не позволяют проследить конкретные изменения в настроениях борющихся за власть групп. Ясно одно: изменения были быстрыми и радикальными.

Первой прореагировала столичная родовитая знать. Уже вскоре после собора Феодосий II увидел себя в чем-то обманутым Хрисафием и стал скорбеть об участи Флавиана и его сторонников (Theoph., p. 157. 8). Хрисафий был сослан. Группы муниципальной знати, ранее возглавляемые Киром и Евдокией и связанные с частью «сирийской» городской знати, были серьезно ослаблены разгромом их союзников на соборе. К власти они прийти не смогли. Евдокия подверглась критике и вынуждена была удалиться в Иерусалим. Ее приверженцы, священники Север и Иоанн, были казнены (Theoph., p. 157.17—18). Восторжествовала столичная служилая знать во главе с Пульхерией. Тело Флавиана было с помпой доставлено из Эфеса и погребено в столице (Theoph., p. 158. 2—6).

Изменения в правящих кругах происходили не без влияния усиливающихся военно-служилых групп знати. Согласно преданию, умирающий Феодосий II предрек править Маркиану «в присутствии Аспара и всех остальных сенаторов» (Malai., p. 367; Chron. Pasch., p. 590; Cedr., p. 602). Аспар представлял

у одра умирающего часть армии, противопоставленную гражданским властям⁸⁴.

Маркиан был провозглашен автократом в присутствии сената (Евагрий, с. 55; Malal., p. 367; Theoph., p. 159. 16) и армии (Theod. Lect., I. 1; ср.: Marc. Comes, p. 83. 25—26; Mansi, v. VI, p. 93). Пульхерия стала его женой. Согласно Евагрию, Маркиан стал императором по единому мнению «сената и всех лиц, достигающих успеха решением императрицы Пульхерии» (Евагрий, с. 55; ср.: Niceph., XV, 1). «Пасхальная хроника» говорит, что Маркиан был провозглашен *apo tou kercesiou en to Ebdomo* («от цирка в Эвдоме». — Chron Pasch., p. 590.8—9). Возможно, на «выборы» оказали влияние и «цирковые партии», уже проявившие себя в 40-х гг. Известно, что Маркиан в противоположность Феодосию II и Хрисафию оказывал покровительство во венетам (Malal., p. 367; Chron. Pasch., p. 592. 10). Этот отказ от поддержки части провинциальной торговой знати был в пользу крупных землевладельцев.

Поддержка сената, столичной знати, высших кругов армии, апелляция к столичным корпорациям свидетельствуют о солидной опоре формирующегося правительства. Можно было перейти в наступление на оппозицию, основное ядро которой сейчас составляли силы, ранее группировавшиеся вокруг Хрисафия (в том числе александрийская торговая знать и ее сторонники).

Вскоре, после коронации Маркиана Хрисафий был казнен (Theoph., p. 160. 2—8; Chron. Pasch., p. 590. 6—7; Marc. Comes, p. 83. 27). Со смертью Хрисафия совпала проводимая правительством политика податного послабления, разумеется, в основном в интересах столичной аристократии⁸⁵. Внешнеполитическая ситуация благоприятствовала этому: гуннская угроза на границах уменьшилась. Правительство ослабило налоговый нажим на сенаторов. *Follis*, это проклятие сенаторов со времен Константина, был отменен (Cod. Just., XII, 2. 2). Теперь только прибывающие в столицу сенаторы привлекались к несению дорожной должности претора (Cod. Just., I, 39. 2; XII, 2. 1). Это отвечало интересам многочисленной группы сословия (сенаторов средних и низших рангов), проживавшей вне Константинополя. Налоговые льготы получали и столичные *hopotati* (Cod. Just., XII, 40. 10). Это определило популярность нового правительства среди столичной родовой знати. Ударом по известной части торговой знати, стоявшей за Хрисафием и «александрийцев», был указ о запрещении продажи должностей (Theod. Lect., I. 2). Это явилось отступлением от прежней политики Пульхерии. В 451 г. было издано несколько указов, декларирующих кое-какие меры по защите подданных от налогового произвола (Cod. Just., X, 5. 2; XI, 70. 5).

Активнейшая часть оппозиции была разгромлена на Халкидонском соборе 451 г. Опять-таки ограничимся вычленением наиболее важных для нашей темы обстоятельств.

1. То, что оппозиция стояла перед фронтом именно столичной родовитой знати, показывает факт инициативы созыва собора группировкой Пульхерии и ее сторонников⁸⁶. Пульхерия вела живую переписку с папой Львом, заручаясь поддержкой верхушки западного клира (Напр.: Leo., Ep. 73, 76, 77, 84, 3, 88, 3). В. Энслин верно подметил, что если в письмах к Маркиану папа выказывал лишь «чистые надежды», то к Пульхерии были обращены конкретные вопросы и пожелания⁸⁷. Диоскор попытался мешать признанию Маркиана в Египте (Mansi, v. VI, p. 1033), но неудачно. О конкретных его мерах судить трудно. Ясно одно: в оппозиции «провинциалов» не было единства, поскольку обструкция не получилась, а правительство, видимо, еще не оказывало активного давления на александрийскую знать в целом. О расколе оппозиции свидетельствует и решительный переход архиепископа Анатолия на сторону правительства⁸⁸. Примечательно и отношение столичных сановников к легатам папы, требовавшим жесткого подхода к Диоскору: сановники отстаивали принцип «справедливого», законного разбирательства (Leo., Ep. 89, 90, 94). Очевидно, здесь скрывался не только отпор попыткам папы вмешаться в дела, которые константинопольская знать считала своими, внутренними. Отказ от грубого нажима на оппозицию в целом объясняется также стремлением правительства пойти на известный компромисс с ее частью. Предупредительной мерой правительства было заключение Евтихия в монастырь вблизи Константинополя. Наместник Вифинии получил приказ удалить или изолировать известную часть духовенства, монахов и тех членов сект, которые «сеяли смуту» (Mansi, v. VI, p. 556). 13 июля 451 г. вышел указ, грозивший тяжкими наказаниями за смуты подобного рода (Cod. Just., I, 12. 5). Самого Диоскора призывали на собор без свиты, помня опыт «разбойничьего собора». Примечательно, что собор после долгих проволочек и поисков местопребывания состоялся в Халкидоне, «под боком» у столицы, для более активного влияния правительства на ход его (Mansi, v. VI, p. 557). Император, в частности, требовал у епископов перейти из Никеи в Халкидон, чтобы им не досадили евтихиане (Ibid., p. 560 sq.).

Наибольший удар в Халкидоне получила активнейшая часть оппозиции — египетские ктиторы, не связанные с муниципальной экономикой и стремившиеся либо избавиться от жесткого нажима столичной служилой знати, либо получить в столице политическое преобладание. Это выразилось в осуждении Диоскора. Пять его сторонников (епископы Азии — не Египта!)⁸⁹ были помилованы в силу их раскаяния, возвращены собору по ходатайству собравшихся и сохранили свои кафедры (Евагрий, с. 65; Theoph., p. 163. 16—20). Это был открытый раскол оппозиции (особенно демонстративный со стороны Ювеналия иерусалимского)⁹⁰. Представители церковной верхушки некоторых ма-

лоазийских и левантийских городов отошли от своих египетских союзников: тактические преимущества отступили на задний план перед старинными регионально-социальными противоречиями и правительственным нажимом.

2. Несмотря на осуждение Диоскора, другие египетские епископы отказались подписать послание папы Льва («томос»), заявив, что их после этого убьют в Египте и что, лишившись своего главы, они не могут предпринять такого шага⁹¹. Это показывает, что, несмотря на раскол, часть оппозиции сохранила свою стабильность.

3. Состояние оппозиции отразило и поднятое на соборе дело столичных архимандритов. Монахи во главе с Варсумой, Дорофеем и Каросом требовали реабилитации Диоскора, отказывались подписать «томос» Льва и открыто заявляли: «Мы стоим перед вами: вы можете лишить нас сана, можете сослать... Делайте, что хотите!»⁹². Другая часть монашества («столичная») выступила против них. Дифференциация, таким образом, протекала и в среде, наиболее опасной для «церковного мира». Предупредительные меры правительства дали плоды и здесь. Маркиан распорядился, чтобы монастыри организовывались только с согласия епископов; монахам запрещался переход из одного монастыря в другой (Mansi, v. VIII, p. 173 c). Это лимитировало монашеское движение и ставило его под контроль местных церковных властей.

4. Заседания собора открыто контролировали столичные сановники (Mansi, v. VI, p. 563) и сам Маркиан. На заседании 25 октября император выступил за ортодоксальное учение (Ср.: Leo., Ep. 101. 3). Собравшиеся устроили настоящую аккламацию, назвав Маркиана и Пульхерию «светилами православия»; императора именовали «новым Константином», «восстановителем церкви»; а Пульхерию — «хранительницей веры» (Mansi, v. VII, p. 129 sq., 169 sq.). Констатировав единодушие собора (Ibid., p. 172 B), Маркиан пригрозил каждому (частному лицу, чиновнику и клирику) за полемику по поводу постановлений собора (Mansi., p. 173 D). Епископам предписывалось заседать еще 3—4 дня и запрещалось удаляться раньше. Подобная обстановка значительно снижала возможности выступления оппозиции и углубляла раскол в ее рядах.

12 ноября 451 г. Маркиан подтвердил все ранее данные ортодоксальной церкви привилегии (Cod. Just., I, 2. 12). 7 февраля 452 г. последовал указ о необходимости придерживаться догматов, оформленных в Халкидоне (Cod. Just., I, 1. 4); диспуты о вере категорически запрещались (Mansi, v. VII, p. 475 C). В 451 г. под страхом смерти запрещалось отправление языческих обрядов (Cod. Just., I, 11. 7). Наступление на оппозицию продолжалось.

Халкидонский собор был показателем и ускорителем размежевания оппозиции, в которой для первой половины V в. четко

вырисовываются два основных направления. Первое направление формировала часть египетской и левантйской торгово-ростовщической и землевладельческой знати, заинтересованной в централизации и экономических связях с Константинополем. Эта часть знати пошла на компромисс с правительством. Другая часть ее — преимущественно крупные землевладельцы «местного значения», не связанные с разлагавшейся полисной сферой, и городская местная верхушка, использовавшая переходные формы экономики и управления провинциальных центров, — еще дальше отошла от столичной знати и ее союзников. Это направление оппозиции становилось преобладающим. Третье направление оппозиции, базировавшееся на знати, цеплявшейся за реакционные формы муниципальной сферы, потеряло серьезное влияние с падением группы Кира и Евдокии и постепенно исчезло. Но в обстановке относительной слабости сословных учреждений (сенат, городские корпорации, «цирковые партии») укреплялись столичные ктиторы, владельцы балканских и малоазийских доменов, где интенсивно использовался труд рабов. Военно-служилая знать, стоявшая у кормила правления, поддерживая этих ктиторов, консервировала отжившие производственные отношения. Оппозиция «провинциалов» объективно выступала против них! В Халкидоне же проявилась ее экономическая мощь и слабая организация, обусловленная несформированностью провинциальной знати в единый слой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Значение трудов В. И. Ленина для изучения античности. — ВДИ, 1970, № 2, с. 15; Корсунский А. Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе. — ВИ, 1964, № 5, с. 107.

² Удалцова З. В. Народные движения в Византии при Юстиниане. Восстание Ника (532 г.). — В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1, с. 283—284; Чекалова А. А. Восстание Ника и социально-политическая борьба в Константинополе в конце V — первой половине VI в. — ВО. М., 1977, с. 179. Ср.: Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 66—67; Thomas C. B. The Seventh Century Revolution. East and West. — In: Classica et Mediaevalia, 1967, v. 28.

³ См.: Козлов А. С. Основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи. — АДСВ, 1975, вып. 12; Его же. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг. — АДСВ, 1976, вып. 13; Его же. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399—400. — В сб.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

⁴ Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1923, т. 1; Güldenpenning A. Geschichte des oströmischen Reiches unter den Kaisern Arcadius und Theodosius II. Halle, 1889; Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Berlin, 1897, Bd. 6; Hartmann L. M. Der Untergang der antiken Welt. Gotha, 1921—1923, Bd. 1—3; Stein E. Geschichte des spätromischen Reiches. Wien, 1928, Bd. 1; Bury J. B. History of the Later Roman Empire. London, 1913, v. 1.

⁵ Peisker M. Severus von Antiochen. Ein kritischer Quellenbeitrag zur Geschichte des Monophysitismus. Halle, 1903; Geffken J. Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums. Heidelberg, 1929.

- ⁶ **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. СПб., 1914, т. 1; **Шестаков С. П.** Лекции по истории Византии. Казань, 1915, т. 1; **Васильев А. А.** Лекции по истории Византии. Пг., 1917, т. 1, с. 80—81, 90, 95, 97.
- ⁷ **Manoylovic G.** Le peuple de Constantinople de 400 a 800 apres J. C.—Byz., 1936, v. 11, fasc. 2, p. 617—716.
- ⁸ **Piganiol A.** L'Empire Chretien (325—395). 2-e ed. Paris, 1947.
- ⁹ **Demougeot E.** De l'unité a la division de l'empire Romain 395—410. Essai sur le gouvernement imperial. Paris, 1951.
- ¹⁰ Ср.: **Das Konzil von Chalkedon. Geschichte und Gegenwart.** Hrsg. von A. Grillmeier, H. Bacht. Würzburg, 1951—1954, Bd. 1—3.
- ¹¹ **Удальцова З. В.** Византия и Западная Европа (типологические наблюдения).— ВО. М., 1977, с. 58—59.
- ¹² **Jarry J.** Heresies et factions a Constantinople du V-e au VII-e siecle.— Syria, 1960, t. 37, p. 348—371; **Idem.** Heresies et factions dans l'Empire byzantine du IV-e au VI-e siecle. Le Caire, 1968.
- ¹³ **Remondón R.** La crise de l'Empire romain de Marc-Aurele a Anastase. Paris, 1964.
- ¹⁴ **Jones A. H. M.** The Later Roman Empire, 284—602. A social, economic and administrative Survey. Oxford, 1964, v. 1—3; **Idem.** The Decline of the Ancient World. London, 1966.
- ¹⁵ **Idem.** The Decline of the Ancient World.
- ¹⁶ **Beck H.-G.** Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966; **Idem.** Großstadt-Probleme: Konstantinopel von 4—6 Jahrhundert.— In: Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973, S. 1—26.
- ¹⁷ **Downey G. M.** The Later Roman Empire. N. Y., 1969; **Liebeschuetz W.** Antioch: city and administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972.
- ¹⁸ См. об этом: **Курбатов Г. Л.** Еще раз о византийских динах.— В сб.: Средневековый город. Саратов, 1975, вып. 3, с. 6 сл.; **Удальцова З. В.** Византия и Западная Европа..., с. 56 сл.
- ¹⁹ **Левченко М. В.** К истории аграрных отношений в Византии VI—VII вв. (по документам византийского Египта).— ПИДО, 1935, № 12, с. 75—110.
- ²⁰ **Его же.** Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.— В кн.: Византийский сборник. М., 1945, с. 12—95; **Его же.** Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи.— ВВ, 1949, т. 2, с. 11—59; **Его же.** История Византии. М.— Л., 1940.
- ²¹ **Дьяконов А. П.** Византийские димы и факции (ta mere) в V—VII вв.— В кн.: Византийский сборник. М., 1945, с. 144—227.
- ²² **Левченко М. В.** Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.— ВВ, 1947, т. 1, с. 164—183; **Пигулевская Н. В.** К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии (Критический обзор).— ВВ, 1952, т. 5, с. 216—222; **Сюзюмов М. Я.** Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века.— Учен. зап. Урал. ун-та, Сер. ист., 1952, вып. 11, с. 84—134.
- ²³ **Удальцова З. В.** Советское византиноведение за 50 лет. М., 1959, с. 82.
- ²⁴ **Курбатов Г. Л.** Восстание Прокопия (365—366 гг.).— ВВ, 1958, т. 14, с. 3—26; **Его же.** Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, с. 229 сл.
- ²⁵ **Его же.** Классовая сущность учения Иоанна Златоуста.— В сб.: Ежегодник музея истории религии и атеизма. Л., 1958, вып. 2.
- ²⁶ **Удальцова З. В.** Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 319.
- ²⁷ В частности см.: **Сюзюмов М. Я.** Внутренняя и внешняя политика Византии и народные движения в первой половине V в.— В кн.: История Византии. М., 1967, т. 1, с. 183—199.
- ²⁸ **Курбатов Г. Л.** К проблеме типологии городских движений в Византии.— В сб.: Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974, вып. 1, с. 54—57.
- ²⁹ О месте оппозиции в событиях 400 г. см.: **Козлов А. С.** Основные черты политической оппозиции..., с. 27—30.
- ³⁰ Стабилизация обеспечивалась в этот период действием не только социально-экономических факторов (укрепление мелкого самостоятельного хо-

зяйства, развитие товарного производства и его концентрация в крупных городах, увеличение спроса на товары и соответственная активизация торговцев), но и факторов внешних, социально-политических (ликвидация варварской опасности во внутренних районах Греции и Малой Азии).

³¹ См.: Курбатов Г. Л. Социальная сущность..., с. 104—105.

³² Видимо, смерть Евдоксии 6 октября 404 г. неблагоприятно отразилась на судьбе Аврелиана: уже в конце 404 г. должность префекта претория Востока занимал Анфимий (Seeck. Aurelianus.— RE, Bd. 2, Sp. 2429).

³³ Seeck. Ioannes.— RE, Bd. 9, Hbd. 18, Sp. 1744.

³⁴ Ludwig F. Der hl. Johannes Chrysostomus in seinem Verhältnis zum byzantinischen Hof. Braunsberg, 1889, S. 98.

³⁵ Курбатов Г. Л. Классовая сущность..., с. 104.

³⁶ Там же.

³⁷ Наиболее четко выразил этот страх Зосим, порицавший Иоанна за подстрекательство к бунту «неразумной черни». «Когда народ возмущился на это... город оказался полон шума...» (Zosim., V, 23.4), а монахи, захватив церкви, мешали константинопольцам совершать богослужения. Недовольные этим димотики и солдаты потребовали от властей «отразить дерзость монахов» (Zosim., V, 23.5). Вероятно, власти санкционировали в столице резню, используя димотов и солдат для подавления оппозиции со стороны приверженцев Иоанна. «Когда им на это был дан сигнал, они без околичностей шли вперед и без всякого разбора били всех, пока не наполнили церковь трупами...» (Zosim., V, 23.5).

³⁸ Курбатов Г. Л. Классовая сущность..., с. 104.

³⁹ Там же, с. 104, 105.

⁴⁰ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 184.

⁴¹ Об уровне развития исаурийского общества см.: Capizzi C. L'imperatore Anastasio I (491—518). Roma, 1969, p. 90—92; Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968, p. 43 sq.

⁴² Ср.: Albertini E. L'empire Romain.— In: Peuples et civilisations. Histoire generale. Paris, 1929, t. 4, p. 416.

⁴³ Marc. comes, p. 70. 3—4: «В Константинополе вспыхнул великий бунт народа (magna populi... seditio) ...»

⁴⁴ Ср.: Martindale J. R. Public Disorders in the Later Roman Empire. Oxford, 1960, p. 24.

⁴⁵ Coster C. H. Late Roman Studies. Cambridge, 1968, p. 161, 166, 167.

⁴⁶ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 185.

⁴⁷ В этом отношении особо заметен контраст между 191, 194 и 193 фрагментами сочинения Иоанна. Если fr. 193 явно взят у Сократа (Сократ, с. 505) и восхваляет духовные достоинства Феодосия II, то fr. 191, 194 беспощадно оценивают его как «невоинственного» и «жившего в робости» человека. Ср. оценку, даваемую Зосимом Аркадию и Гонорию (Zosim., V, 1.1; 1.3; 12.1).

⁴⁸ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 186.

⁴⁹ Исключение составляют изданные в 415 г. законы с угрозами в адрес монотанистов и евномиян (Cod. Theod., XVI, 5. 57—58). Однако проводились ли они в жизнь, неизвестно. С другой стороны, столичный епископат пошел на уступки иоаннитам, вписав имя Златоуста в синодик и «многих» привлекая этим к ортодоксальной церкви (Theoph., p. 130.7—10). Видимо, такая уступка диктовалась желанием лимитировать оппозицию средних провинциальных собственников, тем более что в условиях стабилизации провинциальной экономики радикализм златоустовских идей должен был все менее привлекать состоятельных горожан.

⁵⁰ См. о преследованиях еретиков епископом синнадским Феодосием: Сократ, с. 507—508; Niceph., XIV, 11.

⁵¹ Brooks E. W. The Eastern Provinces from Arcadius to Anastasius.— In: The Cambridge Medieval History. Cambridge, 1924, v. 1, p. 462—463.

⁵² Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, с. 52.

⁵³ Ср.: Jones A. H. M. The Later Roman Empire, v. 2, p. 770 sq.

⁵⁴ Remondon R. La crise..., p. 304.

⁵⁵ Евдокия была дочерью философа Леонтия (по Chron. Pasch., p. 576.9—Гераклита) и в языке носила имя Афинаиды.

⁵⁶ В частности, оба брата Евдокии получили важные посты (Malal., p. 355. 15—16).

⁵⁷ В отличие от верхушки куриалов, чьи интересы защищал Либаний, эта муниципальная верхушка включала мелких сенаторов «провинциального значения» и часть торгово-ростовщической знати, связанной с интересами постантичного города.

⁵⁸ Gardner A. Religious disunion in the fifth Century.— In: The Cambridge Medieval History, p. 495.

⁵⁹ Ср.: Kopallik J. Cyrillus von Alexandrien. Eine Biographie. Mainz, 1881, S. 5, 11—12, 29—31; Wolf S. Hypatia. Wien, 1879, S. 36—40.

⁶⁰ Недовольство Пульхерии Несторием, видимо, объяснялось не столько личными мотивами (Ср. напр.: Кулаковский Ю. История Византии, с. 293), сколько враждой стоявшей за ней столичной родовитой знати к засилью сирийской торговой знати.

⁶¹ Как известно, превращение Константинополя в столицу повысило значение и конкурентоспособность малоазийской торговли и ремесла (ср.: Gren E. Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala, 1941). Возможно, что группировка Евдокии — Кира (см. выше) имела большой вес в малоазийских городах. Как известно, примерно в середине V в. несколько тамошних центров назывались Евдокиополями (Ср.: Alexander P. J. Medieval Apocalypses as Historical Sources.— American Historical Revue, 1968, v. 73, № 4, p. 1010).

⁶² Güldenpenning A. Geschichte des oströmischen Reiches..., S. 300.

⁶³ Возможно, компромисс был ускорен сознательно проведенными египетской церковной кликой задержками в доставке хлеба в столицу (История Византии, с. 191). В 431 г. в Константинополе голодающий плебс метал в Феодосия II камни (Marc. Comes, p. 78. 11—14).

⁶⁴ Аналогичное беспокойство выражали еще в ходе собора 431 г. антиохийские представители: Schwartz E. Neue Aktenstücke zum ephesinischen Konzil von 431. München, 1920, S. 103.

⁶⁵ Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 187.

⁶⁶ Кир восстановил разрушенные землетрясением стены столицы (Zonag., p. 240. 21—24). О мерах в интересах владельцев мастерских см.: Chron. Pasch., p. 588. 11—12. По Малале, Кир заботился об основании поселений (ton ktismaton) и восстановил «весь Константинополь» Malal., p. 361. 17—18).

⁶⁷ Видимо, прав Ю. Кулаковский, утверждавший, что Пульхерия и после женитьбы Феодосия II оставалась соправительницей, отстранив Евдокию от управления (Кулаковский Ю. История Византии, с. 242).

⁶⁸ Ср.: Seeck. Chrysaphios.— RE, Bd. 3, Sp. 2485—2486.

⁶⁹ В октябре 446 г. вышел указ об обязательном двукратном чтении, обсуждении и принятии сенаторами законодательных актов (Cod. Just., I, 14.8; ср.: Сюзюмов М. Я. Внутренняя и внешняя политика Византии..., с. 193).

⁷⁰ Как известно, в 440 г. сенаторам низших разрядов было разрешено жить вне столицы (Cod. Just., XI, 1.15). Это отражало, видимо, спорадичность участия данных разрядов в заседаниях сената, в то время как крупная аристократия, иллистрия, все более укрепляла свое положение в столице (Ср. Чекалова А. А. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в.— ВВ, 1972, т. 33, с. 18, прим. 74).

⁷¹ Thompson E. A. The Foreign Policy of Theodosius II and Marcian.— Hermathena, 1950, t. 76, p. 56 sq.

⁷² См.: Козлов А. С. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв.— АДСВ, 1973, вып. 9.

⁷³ Его же. Содержание конфликта Аспара и Льва I.— АДСВ, 1975, вып. 11, с. 116.

⁷⁴ Учение Феодора было поднято на щит частью епископов, представлявших города in Hinterland Передней Азии (Феодора переводили на сирий-

ский, персидский и армянский языки); см.: **Schultze. V.** *Altchristliche Städte und Landschaften.* Leipzig, 1913, Bd. 1. Konstantinopel (324—450), S. 153. Видимо, оно было знаменем оппозиционных слоев знати «глубинки», настроенных против давления Константинополя и Александрии.

⁷⁵ Ср.: **Charanis P.** *The Monk as an Element of byzantine Society.*—DOP, 1971, v. 25, p. 83.

⁷⁶ **Dvornik F.** *The Circus Parties in Byzantium, their Evolution and their Suppression.*—Byzantina-Metabyzantina. Chicago, 1964, Pt. 1.

⁷⁷ **Дьяконов А. П.** Византийские димы и факции..., с' 195; **Левченко М. В.** Венеты и прасины в Византии..., с. 169.

⁷⁸ Ср.: **Сюзюмов М. Я.** Политическая борьба вокруг зрелищ..., с. 120—125, 127.

⁷⁹ Ср.: **Haase F.** *Patriarch Dioskur I von Alexandria. Nach monophysitischen Quellen.* Breslau, 1909, S. 49—50.

⁸⁰ **Baynes N. H.** *Alexandria and Constantinople: A Study in Ecclesiastical Diplomacy.*—*Journal of Egyptian Archeology.* L., 1926, v. 12.

⁸¹ Флавин писал по этому поводу папе Льву: «...меня окружило множество воинов, и когда я хотел прибегнуть к святому алтарю, не позволили мне, но пытались вывести меня из церкви... я окружен был стражей, чтобы я не мог донести вам о всех причиненных мне обидах». Евсевий писал Льву о Диоскоре и его приспешниках примерно то же: «Они имели множество солдат, которые были введены внутрь с обнаженными мечами, угрожая епископам, рассуждавшим православно» (Цит. по: **Болотов В. В.** *Лекции по истории древней церкви.* Пг., 1918, т. 4, с. 262—263, 265).

⁸² Там же, с. 258.

⁸³ **Курбатов Г. Л.** *Основные проблемы...*, с. 99, 152—154.

⁸⁴ **Козлов А. С.** *Содержание конфликта Аспара и Льва I*, с. 117.

⁸⁵ Новый император демонстративно кассировал недоимки с 438 по 447 гг. (Cod. Theod., II, 2). В то же время было указано, чтобы деньги, ранее раздаваемые консулами по вступлении в должность народу (in populum), обратить на стройку столичного акведука (Cod. Just., XII, 3.2; Marc. Comes, p. 84. 11—15).

⁸⁶ В этом отношении, очевидно, прав А. Джонс, писавший: «Церковная политика Маркиана была, вероятно, вдохновлена Пульхерией...» (**Jones A. H. M.** *The Later Roman Empire*, v. 1, p. 219).

⁸⁷ **Enßlin.** Marcianos.—RE, Bd. 14, Hbd. 28, Sp. 1520.

⁸⁸ **Болотов В. В.** *Лекции...*, с. 266.

⁸⁹ **Schwartz E.** *Aus den Akten des Concils von Chalkedon.* München, 1925.

⁹⁰ Стремление Ювеналия распространить свою власть над не принадлежавшими его ведомству церковными пределами привело его к конфликту с архиепископом Антиохии и к союзу с Диоскором. Ювеналий считал себя митрополитом ex usu трех Палестин, двух Финикий и Аравии (**Devreese R.** *Le Patriarchat d'Antioche, depuis la paix de l'Eglise iusqu' a la conquete arabe.* P., 1945, p. 50). Соглашение Ювеналия и Максима антиохийского о разделе сфер влияния и благосклонное отношение к этому «отцов собора», видимо, отразило компромисс между отдельными группами левантийской и столичной знати.

⁹¹ **Болотов В. В.** *Лекции...*, с. 300.

⁹² Там же.